

Кто просил тебя сегодня входить в брачные покои с другим! И делить с ним одно ложе!

В Сялян, самом процветающем округе государства Фэн, сегодня царило оживление: внук богатейшего человека страны, Сюй Мучжоу, готовился принять наложника. Удивительно было то, что юному господину Сюй исполнилось всего двадцать лет, он еще не успел обзавестись законной супругой, а уже собрался брать наложника. К тому же — мужчину.

В поместье Сюй жизнь текла своим чередом: слуги по привычке сношались по делам, горничные стирали белье и поливали цветы. Лишь пара назначенных служанок в западном флигеле для порядка наклеили несколько праздничных иероглифов счастья да рассыпали по кровати медные монетки и красные финики. В отличие от настоящей свадьбы, по правилам, при вводе наложника в дом не полагалось совершать обрядов поклонения, а свадебный паланкин даже не имел права въезжать через главные ворота. Домочадцы к этому событию отнеслись без пренебрежения, но, разумеется, и без особого почтения.

В своей главной спальне герой дня, второй молодой господин Сюй Мучжоу, облачался в приготовленные на кровати свадебные одежды и приводил в порядок волосы перед зеркалом. В начищенном медном зеркале отражалось лицо, способное погубить целые города: изящные брови, миндалевидные глаза, нежная кожа, пальцы, подобные молодым побегам бамбука. Глядя на него, невольно вспоминаешь нефритового бодхисаттву с изысканных картин.

О несравненной красоте второго господина Сюй в Сяляне знали все. К тому же в государстве Фэн издавна не проводили четких границ в делах сердечных: если есть чувства, то неважно, мужчина ты или женщина, можно смело добиваться расположения того, кто мил сердцу. Поэтому с тех пор, как Сюй Мучжоу достиг брачного возраста, порог поместья Сюй был почти стерт в порошок бесконечным потоком сватов. Его приходилось чинить каждый год.

Ох, а сколько сердец сегодня было разбито новостью о его женитьбе!

— Второй братец, позволь мне причесать тебя, — из-за спины внезапно появился человек. Он самовольно выхватил из рук Сюй Мучжоу гребень и, взяв в ладони его густые черные волосы, словно водопад, принялся бережно их расчесывать.

Движения его были полны трепета, словно он касался величайшего сокровища.

Ох уж этот человек. Когда он был не в духе, то всегда нарочито манерно называл его вторым братцем и вечно гнул свою линию. Сюй Мучжоу вздохнул — поделаться с ним он ничего не мог.

— Ай... — кожа головы отозвалась болью, и Сюй Мучжоу судорожно вздохнул. Глядя в зеркало на лицо этого человека, он беспомощно произнес: — Ты специально, да?

— Хм! Кто просил тебя сегодня входить в брачные покои с другим! И делить с ним одно ложе!
— Чжуан Бай надул губы так, что на них, казалось, можно было повесить кувшин.

Чжуан Бай появился в поместье Сюй два месяца назад — Сюй Мучжоу подобрал его на обочине дороги у поля. Когда он нашел его, Чжуан Бай был весь в крови и грязи, с огромной раной на лбу и в бреду от сильного жара. Состояние его было плачевным. Сюй Мучжоу решил, что, должно быть, его преследовали враги. В любом случае, оставить его умирать он не мог.

Однако вопросов меньше не стало: спасенный помнил только свое имя — Чжуан Бай, а все остальное стерлось из памяти. Похоже, это была та самая амнезия. Видя, что Чжуан Бай остался совсем один и идти ему некуда, Сюй Мучжоу, опасаясь, что тот, выйдя за ворота, снова наткнется на преследователей и погубит и себя, и своего спасителя, решил пока оставить его в поместье.

Сюй Мучжоу и представить не мог, что это решение привяжет к нему этакий маленький хвост. Возможно, из-за потери памяти Чжуан Бай всегда был пуглив, словно зверек, встревоженный окружающей обстановкой, и обретал покой лишь рядом с Сюй Мучжоу. Он был как птенец, который принимает за мать первое живое существо, увиденное при вылуплении.

Может, именно поэтому Чжуан Бай питал к Сюй Мучжоу почти маниакальное чувство собственности. Если всем в поместье было плевать на сегодняшнее событие, то Чжуан Бай был единственным, кого оно по-настоящему задевало.

— Говорят, этот господин Ху обладает персиковым взглядом, пахнет небожителем, а от тела его исходит дивный аромат, — продолжал ворчать Чжуан Бай. — Как только второй братец войдет в покои, наверняка сразу же растает от его чар.

От этой кислоты можно было скиснуть, зубы сводило. Но Сюй Мучжоу почему-то это даже польстило. Он изогнул глаза в улыбке, прекрасной и пленительной, и с ноткой беспомощности ответил:

— Ты же знаешь, что я не стану этого делать. Ху Цинлянь прислан моим старшим братом, я не настолько глуп.

В час Сюй наступил благоприятный момент — жениху пора было входить в брачные покои.

Сюй Мучжоу толкнул дверь и увидел сидящего на краю кровати новобрачного. Поскольку это была наложница, надевать ярко-красные одежды не полагалось, поэтому наряд Ху Цинляня отдавал в розовый оттенок. Зато покрывало на голове было красным, с вышитыми на нем утками-мандаринками.

В воздухе действительно витал странный аромат, но называть его благоуханием небожителя было явным преувеличением. Это был обычный запах пудры или ароматического крема, примерно как духи в двадцать первом веке.

Сюй Мучжоу был попаданцем. Четыре года назад, оступившись и упав с высоты, он неожиданно перенесся в исторический роман. Бывший некогда акулой бизнеса и президентом

компании, здесь он стал самым нелюбимым внуком главы богатейшего семейства страны Сюй Цзышаня.

У старика была странность — он был патологически суеверен и настаивал на том, что семейное дело может унаследовать только тот ребенок, у которого сложатся удачные брачные узы. Говорили, что он попал под влияние какого-то бродячего предсказателя, которого, впрочем, никто в глаза не видел. Недавно старик слег с обострением старой болезни и, чувствуя, что его время на исходе, снова завел разговор о разделе имущества.

И вот тогда его старший брат, Сюй Сююй — всегда учтивый, вежливый и добрый, — в самый ответственный момент заботливо прислал ему этого наложника.

<http://bllate.org/book/18908/1848932>